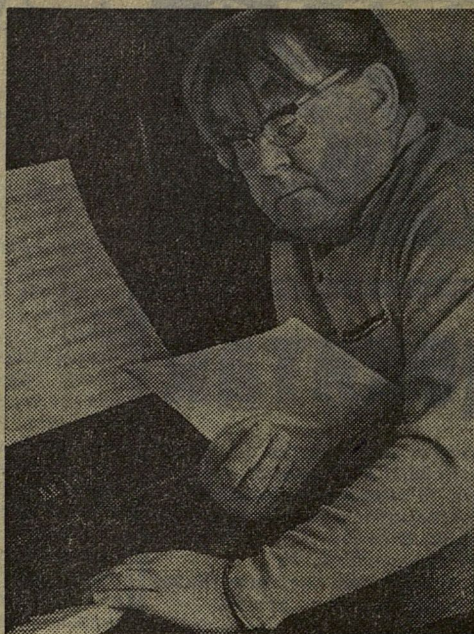

МЫСЛИ О ПЕРЕЖИТОМ

Песни Соловьева-Седого поют и знают миллионы людей. На третий день войны Василий Павлович написал песню «Играй, мой баян», за ней появились «Вечер на рейде», «Соловьи», «Давно мы дома не были», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Подмосковные вечера». Они принесли композитору мировую известность.

Наша беседа с народным артистом СССР лауреатом Ленинской и Государственных премий Василием Павловичем Соловьевым-Седым состоялась в Ленинграде, его родном городе. Здесь он родился и творил все эти годы. Признательные ленинградцы накануне дня рождения композитора устроили большой концерт, собрав в Октябрьском зале своих знаменитых исполнителей. В этот вечер прозвучало около тридцати лучших песен композитора, которые и сегодня поются народом.

В ПЕСНЕ — ДУША НАРОДА

— Василий Павлович, чем памятно для вас начало жизни?

— В начале жизни школу помню я, писал когда-то Пушкин. Для меня и моего поколения эти годы особо памятливы. Выходы из пролетариев, мы впервые получили возможность учиться, и с ненасытной жаждой набросились на учебу, которая была нам слаще хлеба.

— Школа — это и учителя, любимые и почитаемые, идущие с нами через всю жизнь... Кого из них хранит ваша память?

— Вот портрет, тот, что на стене над роялем. Это Петр Борисович Рязанов — профессор консерватории. Человек мне очень близкий и дорогой. Его первый класс композиторов — молодая талантливая поросль из народа. При нашей неразвитости вкусов, интересов, желаний ему пришлось проявить немало настойчивости, чтобы пробужденный зов к культуре направить по нужному руслу, выплеснувшиеся дары развить, не подавив первых апрельских ростков. Он готовил своих учеников не только к музыкальной, но и общественной деятельности. Возможно, частые выезды к рабочим, многочисленные концерты на заводах сказались на нашей профессиональной учебе. Но вряд ли есть что-нибудь равноценное той великой радости, которую мы испытывали, участвуя в общем созидательном труде народа. Есть ли другое более прекрасное чувство! Рязанов понимал, умел оценить и развивал в нас этот гражданский порыв.

— Именно эти годы были звонко воспиты первыми советскими композиторами. Не от них ли идут и ваши песенные истоки?

— Я пришел в сознательную жизнь в ту пору, когда первые советские песни — песни гражданской войны, романтические, темповые — уже вовсю звучали. Помню, сильное впечатление на меня произвела «Красная кавалерия» Дмитрия Покрасса. Мы с большим удовольствием пели ее в выпускной живой газеты, лихо подхватывая и отбивая боевой ритм кавалерийских полков. Песни Дунаевского, Новикова, Александрова, Захарова появились позднее. Но песен в те годы я еще не писал, увлекался романсами, работала над балетом. Пытался сделать что-то значительное, заметное, яркое. Так нередко бывает с человеком, попавшим из хаты в великосветскую гостиную. Он носит фрак, спитый по моде, щеголяет, подражает, говорит с чужого голоса. Я этих болезней тоже не избе-

жал. В первых моих романах хватало и вычурности, и формалистических потуг, и ремесленничества... Вкус, мера, опыт, мастерство — все это пришло не сразу.

— Был ли какой-то внешний или внутренний толчок, побудивший вас остановить свой выбор на песне?

— Таким толчком была песня Захарова «И кто его знает». Сколько в ней обаяния! И как легко она поется... Во всяком случае именно тогда впервые мне захотелось всерьез попробовать себя в песне.

— Почти все ваши песни имеют свою интонацию, свой душевный мир. С чего, с какого момента началась эта интонация, этот сердечный песенный голос?

— Осенью сорок второго года я выступал на фронте под Ржевом. Концерт нашей фронтовой бригады состоялся в землянке. Собрались бойцы, человек, наверное, сорок. Пришли прямо из окопов, расселись. Я пел песни. Кто-то из них попросил исполнить совсем новую, ту, что еще никогда не звучала. Я запел «Прощай, любимый город» (написал я ее раньше. Однажды показал композиторам, но они сказали, что такая песня, мол, не ко времени, сейчас нужны призывные, мобилизующие). И случилось чудо, со второго куплета солдаты стали тихо подпевать. Попросили повторить, потом записали слова, и уже все вместе, как давно петую, тихо, с грустью пропели всей землянкой.

Если я вам скажу, что был в эту минуту безмерно растроган, то вряд ли точно передам свое тогдашнее состояние. Это была такая минута, такое мгновение, когда я почувствовал начало чего-то большого и самого важного в моей жизни. То была минута редкого душевного слияния с людьми, редкого и прекрасного. Оказалось, что душевность и даже грусть и печаль могут быть не менее мобилизующими. И не менее нужны бойцам. Вот когда пришел мой час как композитора, пришла моя певческая интонация, обогащенная народной бедой, народными душевными чувствами, пришла моя тема. Тема солдата на войне, на службе, человека, призванного быстро и честно служить народу. Потом появились другие песни «Не тревожь ты себя» на слова Михаила Исаковского, «Соловьи» и «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» на слова Алексея Фатьянова (поэта, с которым я много и плодотворно работал), «В путь!»

на слова Михаила Дудина, «Солдат всегда солдат» на слова Михаила Матусовского, «Курганы» на слова Евгения Долматовского. Написанные в разные годы, они воспевают близкого моей душе и сердцу советского солдата — защитника социалистического Отечества.

Я всегда придерживался и придерживаюсь той точки зрения, что жизнь наша богата событиями и высокими свершениями, богата людскими чувствами. В ней есть, что прославить, и есть, что сопережить глубоко и вдохновенно. Только было бы желание.

— В последние годы все чаще можно слышать упреки, что композиторов захлестнуло мелкотемье. Сплошь да рядом звучат песенки без больших чувств и глубоких переживаний...

— Видите ли, на мой взгляд, песня немислима без вдохновенного творческого начала. В образованном, развитом обществе, таком, как наше, песни, наверное, могут сочинять многие (оно так и происходит. Разве мало у нас самодеятельных коллективов, в которых участвуют и самодеятельные авторы, иногда пишущие совсем неплохие песни в собственное удовольствие). Но песни, что могут стоять в ряду настоящих произведений искусства, способны писать далеко не многие. И лишь они способны важную общественную идею, глубокие человеческие чувства облечь в совершенную музыкальную форму, способными умом и талантом своим обогатить других, подняться до высоких обобщений. Музыкальное сочинительство — дар редкий. Это одинаково верно для всех жанров музыкального творчества, включая и песенный. Я тут нового ничего не открываю.

— А как вы относитесь к различного рода песенным конкурсам, которых год от году становится все больше и больше...

— Хорошо отношусь, хорошо. Но думаю, что их все-таки многовато...

Пусть люди соревнуются в исполнительском мастерстве, им владеют поистине миллионы! А конкурс композиторов лучше проводить республиканский или всесоюзный (а может, тот и другой) раз в год. И так, чтобы за ним следила вся страна, чтобы он транслировался и по радио, и телевидению, и организовывать дело так, чтобы народ выступал в нем главным ценителем (народ в массе своей ред-

ко ошибается, я в этом абсолютно убежден). Такой конкурс, несомненно, соберет самых сильных и талантливых композиторов. Лауреата и лучшую песню хорошо бы называть не сразу, а через два-три года, временем испытать популярность песни. А тогда и вознаграждение, даже самое большое, будет понятным и заслуженным.

— Кто из современных русских композиторов-песенников работает, с вашей точки зрения, наиболее интересно, чье творчество заслуживает внимания, и почитания?

— Александра Пахмутова. Почти все, что она пишет в песенном жанре, значительно. Ей удается подняться до самых емких обобщений, соединив обаяние таланта с высокой идейностью, гражданственностью. Что и должно по существу составлять кредо любого композитора. Мне близки ее общественные мотивы, ее лирика, народность песенных интонаций. Мне кажется интересным песенное творчество Яна Френкеля в лучших его работах. Из моих замаяков-ленинградцев я с большим вниманием слежу за развитием Станислава Пожлакова и Александра Колкера. Самобытно и ярко начал Андрей Петров, к сожалению, в последние годы совсем переставший писать в жанре песни.

— Несколько дней назад председатель Всероссийского хорового общества Александр Александрович Юрлов, выступая в нашей газете, резко критиковал разросшийся рынок музыкального ширпотреба.

— Я читал эту статью и думаю, что Юрлов прав, настаивая, чтобы повсеместно музыкальными изданиями занимались люди сведущие, глубоко озабоченные музыкальным вкусом и запросами людей. Мы создали целую систему (мощную, оснащенную самыми современными техническими средствами) тиражирования музыки. И эта совершенная система должна учитывать, как писалось композитору в этом месяце, в этом году. Иначе нас и в дальнейшем ждут немалые издержки.

— При всех организациях такого рода есть художественные советы, в состав которых входят и композиторы. Их слово должно являться решающим...

— Но довольно часто на таких заседаниях звучит довод, что, мол, песня, конечно, неважная, но будет иметь коммерческий успех. А стало быть, тираж ей обеспечен. Композиторы, музыканты, все люди, призванные заниматься музыкальным воспитанием, несут ответственность за то, что предлагается народу и в кино, и телепередачах, и радиопередачах, и на пластинках, и в концертах. Дух потребительства в искусстве должен изживать мы. Песня — это неотъемлемая часть общей культуры народа. Народ, выражая свои чувства в песне, создал прекрасные песенные образцы. Среди народных песен вы не встретите плохих. В них совершенный язык, звучный, точный, чистый. Они богаты чувствами, нежны, целомудренны, певучи. В них слово и звук живут в удивительном слиянии. Не случайно лучшие русские, советские песни столь популярны и любимы во всем мире. Это богатство достойно самого широкого тиражирования, оно часть нашей души, нашего сердца — лучшая часть.

— Спасибо, Василий Павлович. Позвольте от наших читателей и редакции поздравить вас с днем рождения. Пожелать вам доброго здоровья и еще долгого и неустанного творчества.

Беседа вел
А. ЛАРИОНОВ.
Фото В. Мусинова.